

МІНІСТЕРСТВО ОСВІТИ І НАУКИ УКРАЇНИ
Харківський національний педагогічний
університет
імені Г.С. Сковороди

**НАУКОВО-МЕТОДИЧНА
СПАДЩИНА Л.П. ЧЕРКАСОВОЇ:
ПРОДОВЖЕННЯ ТРАДИЦІЙ**

Збірник наукових статей

*Харків
ХНПУ імені Г.С. Сковороди
2020*

УДК 811.161.1
Ч89

Науково-методична спадщина Л.П. Черкасової:
продовження традицій: збірник наукових статей / Укладач –
І.І. Степанченко. Харків: ХНПУ імені Г.С Сковороди, 2020.
182 с.

Збірник наукових статей присвячено пам'яті мовознавця Леніни Павлівни Черкасової (1927–2002), кандидата філологічних наук, доцента, яка після захисту кандидатської дисертації (1954) протягом багатьох років (1954–1959, 1964–1991) працювала на кафедрі російської мови. Л.П. Черкасову вважають своїм учителем і науковим наставником викладачі різних філологічних кафедр ХНПУ імені Г.С. Сковороди та інших вишів, учителі шкіл – випускники університету. Вона є автором багатьох наукових, науково-методичних, методичних праць з лінгвопоетики, морфеміки і словотвору, морфології російської мови.

Рецензенти:

кандидат філологічних наук, доцент, доцент кафедри зарубіжної літератури та словянських мов ХНПУ імені Г.С. Сковороди **М.М. Журенко;**

кандидат філологічних наук, доцент, завідувачка кафедри російської мови ХНУ імені В.Н. Каразіна **Л.В. Педченко**

Рекомендовано до друку вченою радою Харківського національного педагогічного університету імені Г.С. Сковороди (протокол № 3 від 12 червня 2020 р.)

Наукові редактори – доц. А.Г. Козлова
проф. О.О. Скоробогатова

© Харківський національний
педагогічний університет

голову и в живот...» [2, с. 283]. Но и в этой ситуации все оказывается не так безнадежно, как может показаться. Даже для «разбитого на куски» Манекена надежда на спасение остается. Будучи сторонником идеи, что по окончании земной жизни человеческая душа продолжает существовать в ином мире, а также возможности реинкарнации, Улицкая включает в повествование эпизод, где мистические белки-зайчики решают оживить труп:

«–Хорошо, – согласился Доктор, – но я должен вам напомнить следующее: перед вами остатки тела преступника. Убийцы. Очень жестокого и безжалостного. И глупого.

– Так тем более надо. О чем говорить? Ему надо дать шанс» [2, с. 285].

Таким образом, мы можем сделать вывод, что оба автора вселяют в читателя оптимизм, убеждая, что суицид не единственный выход из сложившейся кризисной ситуации, никогда не стоит отчаиваться, нужно что-то искать, предпринимать, а если это невозможно, то просто ждать, но при этом, не теряя надежды.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сартр Ж.-П. Тошнота [пер. с фр. Ю.Я. Яхниной]. М.: Издательство АСТ, 2019. 317 с.
2. Улицкая Л. Казус Кукоцкого. М.: Эксмо, 2011. 509 с.

А.Г. Козлова

ОБРАЗ ТИШИНЫ В ПОЭЗИИ БУЛАТА ОКУДЖАВЫ

Данная статья продолжает цикл статей, посвященных особенностям создания и функционирования звуковых образов в поэтических текстах (См.: [2]; [4]). В рамках этого цикла мы обращались к анализу музыкальных образов в лирике Окуджавы [3].

Целью данной статьи стал анализ особенностей представления в творчестве Окуджавы образа тишины.

В свое время Ленина Павловна Черкасова, выступая на кафедре русского языка Харьковского национального педагогического университета имени Г.С. Сковороды, обратила внимание на не вписывающуюся в рамки традиции, но встречающуюся у Булата Окуджавы отрицательную характеристику тишины. В этой связи вспоминаются такие строки: *...и по комнате плавает предгрозовая тишина* («Валины экзамены» (1956)) [5, с. 542]; *Тьмою здесь все занавешено / и тишина как на дне...* («Тьмою здесь всё занавешено...» (1960)) [5, с. 203]. Отметим, что в некоторых случаях Окуджава, действительно, отдает предпочтение не тишине, а звучанию – музыке и слову:

*И все-таки я жду из тишины
(как тот актер, который знает цену
чужим словам, что он несет на сцену)
каких-то слов, которым нет цены.
(«Подмосковье» (1956–1957)) [5, с. 129].*

Однако в большинстве его текстов слово «тишина» выступает с позитивной коннотацией. Наиболее показательны в этом отношении стихотворения, связанные с военной темой. В них регулярно встречается образ тишины, которая ассоциируется с миром или мечтами о нём, а ее нарушение или отсутствие – с войной. Например: *Но однажды, когда «мессершмитты», как вороны, / разорвали на рассвете тишину, / наш Король, как король, он кепчонку, как корону, – / набекрень, и пошел на войну* («Король» (1957)) [5, с. 139]; *Я к вам забегу / давным-давно, // как еще до войны, / как в той тишине...* («Ангелы» (1957)) [5, с. 134]; *Последний залп прорвал тишину / и за горной грядой смолк, / будто бы там расстрелял войну / артиллерийский полк.
<...> Из блиндажа, тишиной объят, / выбрался солдат...
<...> ...тишина, что звенит в ушах, / выстрадана мной* («Журавли» (1956)) [5, с. 123–124]; *Мужья на войне: им пиши – не пиши. / В горах городок, тишиной занесенный...* («Возвращение» (1956)) [5, с. 117]; *Встанет, встанет над землей радуга, / будет мир тишиной богат...* («Ах, война, она не год еще протянет...» (1959 (?))); *(За мир и тишину чего*

не дашь?) («Да здоровствует Великий Понедельник!..» (1977)) [5, с. 569]; *Как хочется тепла и тишины...* («Письма» (1956)) [5, с. 111]; *И откуда на переднем крае, / где даже земля сожжена, / тонких рук доверчивость такая / и улыбки такая тишина?* («Отрада» (1960–1961)) [5, с. 207] и т.п.

В стихотворении «Ночь после войны» (1955), характеризуя тишину, поэт использует эпитет «удивительная»: *...а сколько он мучился и страдал, / пока не нахлынула эта ночь, / ночь удивительной тишины, / первая ночь после войны!* [5, с. 109], что еще раз подчеркивает положительную характеристику исследуемого образа. («Удивительный – 1. Необычайный, странный, вызывающий удивление. 2. Достойный удивления своими необычайно высокими, сильными, особенными качествами, достоинствами. 3. Выделяющийся какими-либо особыми свойствами, качествами; чем-либо поражающий, особо запоминающийся; поразительный» [6, стлб. 321].)

В ряде случаев поэт использует прием антитезы, противопоставляя тишину и грохот орудий, тишину и войну: *...и кругом не бой, а тишина...* («Здравствуй, жизнь!» (1956)) [5, с. 117]; *Тишина и война, и опять – тишина и война* («Десять тысяч дорог, и тревог, и морок пережить...» (1962)) [5, с. 559]; *Теперь живу посередине между войной и тишиной...* («Путешествие в памяти» (1967)) [5, с. 264]; *Тишина на улочках ее, на западе – пушки* («Вот король уехал на войну. Он Москву покинул...» (1970-е)) [5, с. 378].

В стихах Окуджавы, изображающих послевоенную действительность, тишина часто выступает в качестве атрибута мирной жизни:

И вот я Москвой на рассвете иду.

Пора, тишиной налитая.

(«Бессмертье» (1956)) [5, с. 111];

... мой город, словно снегом,

бывает тишиною занесен.

<...>

И тишина влетает прямо в будни.

Так день заманивает тишину,

*и он ее крылом своим – на части...
И мы идем за ними. Как в плену.
За буднями.
И в этом – наше счастье.
(«Сыпь, вечер, звезды...» (1959)) [5, с. 162];
...переулком не спеша пройдут влюбленные,
с тишиной втроем.
И, наверно, в эту ночь осеннюю,
за день поработавши не зря,
люди, оглянувшись, как судьбу оценят
мирное дыханье октября.
(«Осень» (1955)) [5, с. 539].*

В приведенных примерах тишина мирной жизни связывается с понятием счастья. Кроме того, в последнем фрагменте понятия «тишина» и «мир» соотнесены непосредственно, на вербальном уровне. Здесь можно отметить также присутствие характерного для мировой поэзии мотива, соединяющего любовь с тишиной: *пройдут влюбленные, / с тишиной втроем*. (Например, у Дж. Китса: *И нет счастливей на земле удела, / Чем встретит милый взгляд наедине, / Чем слышать, как согласно и несмело / Два близких сердца бьются в тишине* («К одиночеству» (1815)) или у Б.А. Чичибабина: *...и под разверзшеюся твердью / нас тихо полнила любовь / друг к другу, к миру и бессмертью / в сокрытой выси голубой* («Воспоминание» (1984)) [7, с. 361].)

Тексты, в которых тишина изображается как непрменный атрибут мирной жизни, в поэзии Окуджавы многочисленны:

*Блиндажи той войны все травой заросли.
Тишина, и поют соловьи.
(«Поминальная» (1980)) [5, с. 382].*

Вполне очевидно, что такое понимание тишины не означает полного отсутствия звука. Скорее, это состояние мира, умиротворения и покоя.

Такая тишина, с точки зрения Окуджавы, проникает даже в городскую суету. Важно только «повзрослеть», научиться ее «видеть» и понимать:

*Мама, мама, в нашем городе зима
тишину на мостовые уронила!*

*Белый цвет у этой зимней тишины –
полдень с нею и прозрачней, и яснее...
(«Как случилось – не заметила сама...» (1963))
[5, с. 559].*

Не случайно используемая поэтом метафора *зима тишину на мостовые уронила* визуализирует тишину, позволяя ассоциировать ее с только что выпавшим белым снегом. Обращает на себя внимание конкретный характер представленной в этом фрагменте тишины: она *зимняя*, белая, снежная.

В поэме «Полдень в деревне» (1982) тишина становится не только воплощением покоя, но и атрибутом естественной природной жизни. Автор имплицитно утверждает мысль о том, что деревенская тишина дает герою-поэту возможность короткого отдыха от городского шума и суеты:

*Знатный баловень сходит с подножки,
просто так, подышать тишиной [5, с. 387].*

И эта характерная для естественного природного мира тишина, в которой уместаются и *журчание влаги в овраге*, и *монотонно* стрекочущий *молоточек* кузнечика, напоминает герою об истинных жизненных ценностях.

В произведениях Окуджавы, связанных с темой творчества, тишина, состояние творческой тишины играет особую роль:

*По утрам
за колхозною площадью
в тесных
во дворах,
где воскресный царит тарарам,
вдруг становится тихо.
Рождается песня...
(«По утрам...» (1960)) [5, с. 197–198];
...музыка стиха всегда тиха
и непредсказуема, как Лета.*

(«Хороша она или плоха...» (1996)) [5, с. 599].

Несколько особняком в поэзии Окуджавы стоит стихотворение «На полотне у Аллы Беляковой» (1988), в котором тишина получает философское осмысление, связываясь с идеей вечности и тайны мироздания. Такая трактовка тишины вполне традиционна для русской поэзии (В.А. Жуковский, Е.А. Боратынский, Ф.И. Тютчев, К.Д. Бальмонт, О.Э. Мандельштам, М.И. Цветаева, Б.Л. Пастернак, И.А. Бродский, Б.А. Чичибабин и др.), но не характерна для творчества Окуджавы:

*Я на виду, я чем-то удручен,
а может, восхищен, но тем не мене
никто, никто не ведает, о чем
я размышляю в данное мгновенье,
совсем один в той странной тишине,
которую вселенная объята...*

*И что-то есть, наверное, во мне
от старого глехó и от Сократа* [5, с. 436].

(«глехо» – по-грузински «крестьянин». – А.К.)

Возможно, не случайно для лирического героя Окуджавы эта тишина, наполненная высшим смыслом, *странная*, потому что по-новому и непривычно воспринимаемая, «звучащая» как голос вечности.

В поэме «В карете прошлого» (1996) тишина связывается с идеей Бога, Божественной гармонией, хотя ее лирического героя, рассуждающего *...пусть Бога нет, но что же значит Бог?*, сложно назвать безусловно верующим человеком:

*А Бог, на всё взирающий в тиши, –
гармония пространства и души* [5, с. 525].

Однако примеры подобного рода в творчестве поэта единичны.

Таким образом, в поэзии Окуджавы тишина чаще всего наполняется конкретным смыслом. Широко используемый поэтом в стихотворениях военной тематики, образ тишины связан с отсутствием звуков боя, с затишьем в военных действиях, с мечтой о мирной жизни. Тишина как атрибут

мирной жизни, как символ мира противопоставляется грохоту орудий, самой войне. В стихах, изображающих послевоенную действительность, тишина часто выступает в качестве неперемного атрибута мирной жизни. Для поэта не характерно философское осмысление тишины, изображение тишины в соотношении с вечностью. В этом смысле особняком стоит стихотворение «На полотне у Аллы Беляковой». Кроме того, при регулярном использовании образа тишины в составе метафор, Окуджава практически не прибегает к олицетворению, персонификации, антропоморфизации образа тишины.

В большинстве стихотворений поэта тишина в соответствии с русской поэтической традицией имеет позитивное звучание. Вместе с тем в отдельных случаях в творчестве Окуджавы встречается не вписывающаяся в рамки традиции отрицательная характеристика тишины, что подчеркивается соответствующими средствами художественной выразительности, в частности эпитетом *предгрозовая* и сравнением *как на дне*.

ЛИТЕРАТУРА

1. Китс Джон. К одиночеству. URL: http://www.lib.ru/POEZIQ/KITS/keats1_1.txt.

2. Козлова А.Г. Звуковые образы в лирике Б.А. Чичибабина. *Русская филология. Вестник Харьковского национального педагогического университета имени Г. С. Сковороды*. 2019. № 3(69). С. 47–52.

3. Козлова А.Г. Музыка в лирике Булата Окуджавы. *Русская филология. Вестник Харьковского национального педагогического университета имени Г. С. Сковороды*. 2018. № 3(65). С. 41–46.

4. Козлова А.Г. Музыка в поэзии Юрия Левитанского. *Русская филология. Вестник Харьковского национального педагогического университета имени Г. С. Сковороды*. 2019. № 2(68). С. 39–44.

5. Окуджава Б.Ш. Стихотворения / Вступ. статьи Л.С. Дубшана и В.Н. Сажина. Сост. В.Н. Сажина и

Д.В. Сажина. Примеч. В.Н. Сажина. СПб.: Академический проект, 2001. 712 с. (Новая библиотека поэта).

6. Словарь современного русского литературного языка: в 17 тт. Т. 16 / ред. тома Н.З. Котелова, Н.М. Меделец. М.-Л.: Наука, 1964. 1610 стлб.

7. Чичибабин Б.А. Собрание стихотворений / Сост. Л.С. Карась-Чичибабина; Вступ. ст. С.Н. Буниной; Комментар. Л.С. Карась-Чичибабиной, С.Н. Буниной. Хр̑ков: Фолио, 2009. 890 с.

А.С. Силаев

РАЗГАДАННАЯ ТАЙНА «СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

Выдающийся литературный памятник древней литературы «Слово о полку Игореве» за 200 лет после его открытия основательно изучен историками, литературоведами, лингвистами и учёными других специальностей. В науке сложилось особое направление – «Слововедение», представленное десятками имен известных учёных и сотнями имён рядовых исследователей-энтузиастов. Изданы капитальные труды – пятитомная «Энциклопедия “Слова о полку Игореве”» и шеститомный «Словарь-справочник “Слова о полку Игореве”». Казалось бы, изучено каждое слово, опознаны все названные исторические лица, прояснён смысл больших и малых событий. И всё же произведение хранит в себе ещё немало тайн, по-прежнему вызывая неослабевающий интерес исследователей и читателей.

Наиболее важные и наиболее интересные проблемы, находящиеся в центре всеобщего внимания и все ещё остающиеся нерешёнными, – где происходили изображённые события и кто был автором этого произведения. Существуют если не сотни, то десятки версий в виде серьёзных исторических разысканий и простых догадок. Одно из них – «Кто был автором “Слова о полку Игореве” и где

МОВОЗНАВСТВО

- Воробьева О.А.** Различия способов трансформации парадигм претекста в пародии и ремейке.....104
- Лисицына Е.С.** Речевой портрет русскоязычного блогера: отражение польских контактов.....112
- Палатовская Е.В.** Категория выделенности в когнитивной лингвистике.....117
- Проскурин И.А.** Проективный и концептуальный аспекты содержания стихотворений И. А. Бунина «Метель» и «К прибрежью моря длинная аллея...».....122

ЛІТЕРАТУРОЗНАВСТВО

- Гончаренко О.М. В.М.** Скрипка про «радянський фольклор».....129
- Коврига Ю.В.** Самоубийство как способ освобождения от гнетущего бытия (на материале романа Жана-Поля Сартра «Тошнота» и Л. Улицкой «Казус Кукоцкого»).....139
- Козлова А.Г.** Образ тишины в поэзии Булата Окуджавы.....143
- Силаев А.С.** Разгаданная тайна «Слова о полку Игореве».....150
- Федоренко О.Б.** Науковий зорепад: творчість Дмитра Федоренка.....156
- ### МЕТОДИКА ВИКЛАДАННЯ МОВИ

- Васильєва О.В.** Причини та особливості неуспішної мовної комунікації в міжнародних освітніх проєктах.....162
- Косенко К.О.** Інтеграція літератури та мистецтва в умовах упровадження нової української школи.....171
- ВІДОМОСТІ ПРО АВТОРІВ.....177**